

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Gipertekstual'nye aspekty russoj paramiologii : licnoe imia v poslovice (Varvara)

Author: Margarita Nadel'-Cervinskaa

Citation style: Nadel'-Cervinskaa Margarita. (2009). Gipertekstual'nye aspekty russoj paramiologii : licnoe imia v poslovice (Varvara). "Studia Methodologica" (Vol. 30 (2009), s. 212-216).

Uznanie autorstwa - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie pod warunkiem oznaczenia autorstwa.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: ЛИЧНОЕ ИМЯ В ПОСЛОВИЦЕ (ВАРВАРА)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы русской паремииологии в гипертекстуальном аспекте. В центре исследования стоит функционирование имени в пословице.

Ключевые слова: паремииология, гипертекст, имя, пословица.

Метазнаковая система фольклора в целом – в совокупности всех фольклорных текстов конкретной народной традиции – базируется на многоуровневом семантическом языке фольклора, фиксирующем и отражающем мифологическое мироощущение носителей традиции и их многовековой практический коллективный опыт. Совокупность метазнаков кодирует сакральное знание (мифическое) и, соответственно, набор сакрализованных смыслов (мифологем), образующих некую коммуникативную основу (тайный язык каждой национальной культуры как закрытой микрокультуры), актуальную для членов коллектива как сложившейся общности носителей определенной традиции (мифокультуры как открытой макрокультуры)²⁴.

Сакральное знание, доступное лишь посвященным, т. е. только носителям метаязыка данной народной традиции, и превращает совокупность устных фольклорных текстов, эти традиционные знания фиксирующую и закрепляющую с целью передачи всего этого новым поколениям, в некое сложное и структурно разветвленное семантическое пространство, что можно определить, пользуясь современной лингвистической терминологией, как гигантский метаязыковой гипертекст. Или как своеобразную интертекстуальную структуру²⁵, либо как вертикальный контекст, по другому современному определению²⁶.

При этом отметим, что паремииология составляет важную часть интертекстуальной структуры каждого национального фольклора. И поэтому невозможно глубокое понимание семантики отдельных текстообразующих компонентов, напр., в русской пословице или загадке без определенного круга мифо-фольклорных ассоциаций и валентностных связей, которые, пользуясь терминологией З. Фрейда, подсказывает человеку его «полуосознанное» предсознательное, опираясь в этом процессе на не осознаваемые индивидом образы архетипического, заложенные в человеческом подсознательном и сделавшие возможным оперирование 25-ю ключевыми семантическими кодами метаязыка фольклорной традиции²⁷.

²⁴ Общекультурная система метаязыка народной – мифо-фольклорной – традиции была разработана и полностью описана автором в четырехтомной монографической работе «Миф и мир европейца» (1989-1992). В значительной степени данный материал нашел отражение и продолжение в авторских монографиях «Профанный и сакральный уровни фольклорного текста», «Фольклор славян – его семантика и структура», «Миф и сказка. Реконструкция архетипического» (вошедших в состав шеститомного издания: Надель-Червинская М., Червинский П. «Энциклопедический мир Владимира Даля. Книга первая: Птицы; Книга вторая: Дикие звери; Книга третья: Домашние животные.» – Ростов-на-Дону, 1996). Первый том книги был опубликован в Интернете: Миф и мир европейца. Психология творчества в образах архетипического. Веселая Книга о Плотнике из Кламси. Часть I. Сюжетообразующее романа. // Creativity & Communication Process. - Выпуск 1 (1998) – <http://www.nicomant.org/> / www.nicomant.fils.us.edu.pl/ / <http://nicomant.blogspot.com> (последний адрес актуален); третий том – «МИФ И МИР ЕВРОПЕЙЦА. Психология творчества в образах архетипического. У фольклорных истоков Веселой книги о плотнике из Кламси: сюжетоконкретизирующее романа.» – Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». Studia Methodologica. Підручники і посібники. Тернополь 2009.

²⁵ См., в частности: Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности. – [В:] Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс : сб. научных трудов. – Москва, 2003; Белозерова Н.Н. Модель функционирования интертекста. – www.utmn.ru/frgf/No3/text10.htm.

²⁶ Гюббенет И.В. Вертикальный контекст: особенности его структуры и восприятия. – Folia Anglistica / МГУ. – Москва, 1997, № 2.

²⁷ См. перечисленные выше работы автора, а также публикацию в Интернете. При этом наша теория *метаязыка фольклора и традиционного кодирования* народного сакрального знания позволила пересмотреть, в частности, юнговские положения о месте «самости» в архетипической картине мира, поскольку при мифо-

В данной статье рассмотрим мифо-фольклорное семантическое поле, что сопутствует в русской паремииологии – и фольклоре в целом – личному имени *Варвара*. Само имя при этом можно рассматривать не только как метазнак языка фольклора (термин наш), но также как интертекстема, или элемент интертекста и проявление интертекстуальности (по М. Алексеенко), либо как элемент вертикального контекста (по И. Гюббинет), либо как прецедентный феномен, прецедентный культурный знак, или же прецедентное имя (по Е. Нахимовой²⁸: «Прецедентные имена — это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями. Система прецедентных феноменов — это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому...»).

Так, в нашем случае для традиционной парадигмы метазнаков *Варвара // ворона // мороз* (= заморозки: *Трещит Варюха — береги нос и ухо!*) характерны следующие устойчивые связи-отношения, природно-погодного семантического поля: *Варвара мостит, Савва* (5 декабря) *гвозди острит, Никола* (6 декабря) *прибывает. Варвара мостит, Савва стелет* (*Никола гвоздит*). *Варвара заварит, Савва засалит, Никола закуёт. У него то Саввы, то Варвары* (у охотника *попировать*). *Варвара мосты мостит. Сегодня Саввы, завтра Варвары. У него сегодня Саввы, так завтра Варвары. Лучшие не саввить и не варварить, а пониколить* (4, 5 и 6 декабря). *На Варвару зима дорогу заварварит* (*заварит*).

Тем самым проясняется и традиционная мотивация следующего текста-паремии: *Постоянная дама Варвара, с поволокою глаза; Василиса — кислый квас* (с лубочной картинки). *Варвара* – твердая и холодная (= постоянная; как лед). *Василиса* – нетвердая (в своих решениях), мягкая (= непостоянная; жидкая, в противоположность твердой по характеру, т.е. водянистая, готовая легко растаять). Без сопоставления с перечисленными выше паремиями значение известной подписи под лубочной картинкой осталось бы темным и адресатам лубка непонятным. Если мы обратимся к текстам народной сказки, то такое осмысление пары-оппозиции *Варвара / Василиса* в русском лубке найдет подтверждение и в функциональной семантике тех же имен как имен сказочных героинь.

Так, обе проявляют свое отношение к *ключевой воде* (ее *закрыванию / отмыканию*), обе владеют магией и обладают мудростью потустороннего, по отношению к человеческому, мира (оппозиция *реальное / ирреальное, видимое / невидимое*). При внимательном и обязательно комплексном структурно-семантическом анализе текстов восточнославянской традиции, в которых фигурируют *Варвара* и *Василиса*, окажется, что обе – *царские дочери*, однако первая – дочь *царя сухого* (*Ко[а]щия* = испепеляющего *вихря-суховея*), вторая – дочь *царя мокрого* (*Морского царя* = *водяного*). Первый из царей в текстах сказки является полным функционально-семантическим аналогом таких мифических фигур как *Ворон Воронович, Медный Лоб* (а также *Волк-медный лоб* и *Кот-медный лоб*), *Вихорь Вихорович* (= мифические *Змей-горыныч* и *Змей-Огненный Волк*, а также *Змиулан* и другие подобные персонажи быличек).

Традиционные отношения родства и общих *запасов* как *силы рода* (в семантическом поле неделимого семейно-родового пространства, его полноты и самодостаточности) отражают следующие паремии: *Варвара мне тётка, а правда сестра. Тётка Варвара — широкие карманы* (она щедра + мотовка, транжирка и, возможно, пьяница). *Проворна Варвара на чужие карманы* (любого способна разорить + воровата). *Не кланяюсь бабушке Варваре, своё есть в кармане. Зачем к Варваре, как своё в кармане. У Варвары всё в кармане* (о человеке запасливым и дальновидном). А также: *Тётушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды да сковородничка, мучки да подмазочки; вода [кипит] в печи, хочет блины печи*.

Последняя паремия выражает также отношения природно-погодного семантического поля – масленичный мотив *печенье блинов*; при этом *скрипучий мороз*, с которым ассоциируется *Варвара*, и *скрип снега*, под ногами или полозьями саней, соотносим со *скрипом масла* на

фольклорном моделировании *микро-* и *макрокосмического* оказывается, что определяемая К.-Г. Юнгом «самость» занимает в этой модели отнюдь не центральное, а периферийное место. Отсюда можно было бы также сделать вывод, что занимаемое ею в проективных интерпретациях мира «центральное место» (в юнгианской теории психоанализа) свидетельствует лишь о неадекватном восприятии действительности и гипертрофированном ЕГО субъекта.

²⁸ Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007: 5, 12.

раскаленной сковороде (*скворчанием, завариванием, треском + кипением* воды; ср. выражения: *крутой кипяток* и *крутой мороз*). Значим также мотив скольжения – *блина по маслу и салазок по снегу, с горы, ног на льду*, что характерно для отношений семейно-родового семантического поля (стимуляция плодности, репродукции; *coitus*). Связь *Варвары* и *печи*, обе *варят*, хотя каждая по-своему, подтверждается также загадкой: *Старая Варвара да сухой Матвей: привязался к ней, и теперь у ней* (отгадка: *печь и голбец*). А *печь* является в любом фольклоре метазнаком ‘женского продуктивного’ как сакрального ‘замкнутого пространства родового начала’ (*uterus*, женское лоно и матка, а также собственно *vagina*). В контексте данной загадки – это ‘старое родовое’ (как основа *рода* и *дома*, семейный очаг), в совокупности ‘женского’ (*Варвара*, старая) и ‘мужского’ (*Матвей*, сухой).

С представлениями о традиционном *круглом годе*, календарном *времени* жизни природы и человека, связаны также следующие паремии: *Св. Варвара ночи урвала. Варвара ночи украла, дня притачала*. Однако их следовало бы рассматривать в следующем ряду: *После солноворота, хоть на воробыный скок, да прибудет дня. На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг* (на час). *Дня прибыло на куриную ступню или стопу* (на полчаса). Все эти языковые единицы связаны с мифологическими представлениями о *птицах* – *воробье, курице*, а потому о *Варвара* в данном календарном контексте так же должна быть связана с *птицей*-мифемой. И таковой в нашем случае будет *ворона* (*Варвара*) при постоянной для фольклорной картины мира восточных славян парадигматической паре *ворон* (= *вор-воробей*) /(*!*) *ворона* (= *сорока-ворона* и *сорока-воровка*). Тем самым, в семантическое поле имени *Варвара* входят также – как парадигма традиционного смысла – мифологические характеристики метазнаков *ворона* и *сорока* (последняя как *сорока-ворона* и как *сорока-воровка*).

При этом главные значимые признаки *вороны* – 1) трусливая дура (*Ворона стоя спрячется. Пуганая ворона и куста боится. Сердце соколье, а смельство воронье. Куда ворона летит, туда и глядит. Ворона и за море летала, да вороной и вернулась. Ворона в павлиньих перьях. Как ни вертись ворона, а спереди карга и сзади карга.*) и 2) недальновидная растяпа (*Ворона — разиня. Ворона влетит* (говорят тому, кто сидит, разинув рот). *Узнал ворону, как в рот влетела. Попался, как ворона в суп. Москаль ворона, а привязчивее чёрта. Залетела ворона в царские хоромы: почёту много, а полёту нет. Была бы конна, а ворона сядет. Сокол — вороньи перья. Наряд соколиий, а походка воронья.*)

3) Бестолковость *вороны* сопоставима лишь с глупостью *курицы*: *Кочет яичко съёс, а ворона раскудахталась. Курам, да воронам, да девкам дворовым. Растрепанная ворона; ср.: Мокрая курица, растяпа, недотепа, трус, неряха. + Слепая курица, недальновидная, дура, растяпа.) Умница — как попова (как пёстрая) курица* (а традиционно *попова курица* – это *ворона*). *Курица = Параша* (в отличие от *вороны = Варвары*).

Аналогичны в фольклоре и черты *сороки*: *Охоча сорока до находки* (т. е. *воровка*). *И баба видала, что сорока летала. Сорочи не сорочи, а без рубля будешь* (о бестолковом бабьем счёте *сороками*). *Сорока-белобок: зелёный хвост, долгий нос* – ребяташки дразнят *сорок*, что является магической формой-оберегом от ‘сороки = вестницы смерти’. Таким же образом, если *сорока* стрекочет, по отношению к человеку, с «неправильной» стороны (слева или сзади, что является плохой приметой, от дурного предсказания вещей птицы отрешиваются заговорной формулой: *На свою голову, на свою голову* (напророчила). Ту же самую магическую формулу произносят, отрывая *ласточке* голову, в случае если та влетела через окно в дом (а это, как считается, к смерти). Соответствие между *сорокой* и *ласточкой* заключается в том, что обе птицы имеют А) черно-белое оперение, Б) длинные раздвоенные (= змеиные) хвосты, В) обе летают далеко - первая на *кукан*, вторая *за море*, т.е. обе имеют отношение к ‘тому свету’, ‘царству мертвых’.

И *ворона* и *сорока* А) не в меру болтливы и язычки их *до добра не доводят*, причем Б) обеим свойственна специфическая «негибкость», которая, в народных представлениях, связана исключительно с ‘мертвым’, остывшим, застывшим, заиндевевшим, а В) *ворон* (*Афанасий-зимний* и *слепой Опанас* детской игры), как и *Варюха*, связан с представлениями о *зиме* и *трескучем морозе* (*клювом щелкает, от голода и холода*):

<i>Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу;</i> ср.: <i>Скажешь курице, а она и всей улице.</i>
<i>Прямо [только] сорока</i> (а также: <i>ворона</i>) <i>летает</i> (с возможным продолжением-дополнением: <i>да и та на кукан попадает</i>). Ср.: <i>Как сорока на колу (вертится; как идея кукана – ср. также: Вертеться как на</i>

<i>вертеле). Когда сорока пером вся побелеет, тогда и сокотать перестанет (т.е. и на нее смерть найдется; и ворона когда-н. умирает).</i>	
<i>Каркает, как ворона. Мала ворона, да рот широк. На что вороне большие разговоры, знай ворона своё кра! Как мёрзлую кочку ворона носом долбит. С воронами по-вороньи каркать.</i>	<i>Всякая сорока от своего языка погибает (гинет). Лепечет (Сокочет), как сорока. Затвердила сорока Якова одно про всякого. Фоку да Якова и сорока знает. Сама скажет сорока, где гнездо свила.</i>

Ворона и сорока в системе народных примет представлены так:

<i>С вороной традиционно связаны плохие приметы: Кто в лесу поёт и увидит ворона, тому наткнуться на волка. Галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, к худу. Ворона купается — к ненастью. Вороны каркают стаяй — к морозу (летом, к ненастью).</i>	<i>С сорокой – разные: Морочила морока, а пророчила сорока. Сорока под стреху лезет — ко вьюге. Сорока скачет на дому больного — к выздоровлению; стрекочет на крыше — к тяжелой болезни либо смерти хозяина. Сорока гостей накликала. Сорока сокочет, гостей пророчит. Сорока даром не щекочет – либо к гостям, либо к вестям; ср.: Не было сороки, а гости у порога, от поверья.).</i>

Однако ворона в народных представлениях связана не только А) со смертью, но и Б) с деторождением, что, однако, встречается значительно реже:

<i>И костей его седая ворона сюда не занасивала. Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет (ни кола, ни двора). Село Воронье — днём семидесяти господ (мелкопоместное), а ночью одного (кто пойдёт на разбой). Была бы падаль, а воронье налетит.</i>	<i>Ворона в пузыре занесла (ответ на вопрос: «Ты как сюда попал?»). Он не родился: его просто ворона в пузыре принесла.</i>

Ср.: *Волчья снедь, воронье мясо, травяной мешок* (брань на лошадь, мол: пора ей помирать, в хозяйстве уже не пригодна). *Сорока в платье, ворона в платье, будет платье и на нашей братье* (платье здесь подразумевается деревянное, т. е. гроб). *На оглоданную кость и сорока не падка. Сорока с тыну, а десять на тын.* А также: *Через семьдесят могил хватил (разорвали) один блин* (связь с поминальным обычаем; *семьдесят могил* – т. е. все мертвые: и свои, и чужие²⁹; так также дразнят кутейников).

Связь *Варвары* (вороны и воровки) с заслуженным наказанием и смертью имеют в русской пословице и такую, вторичную в своей историчности, интерпретацию: *К Варваре на расправу* (отправить или угодить; стар. застенок для пытки в Москве). *Не спрашивают Варвару на расправу* (насильно тянут, силком ведут). *Потянули Варвару на расправу* (ср.: *И на старуху бывает проруха*).

Расправа над *Варварой* – следствие А) либо ее воровства, Б) либо ее ротозейства (проглядела = проворонила, не уберегла что): *Пошёл было по хлеб к Варваре, да нашёл у себя в анбаре. Прогнали Варвару из чужого анбару. Чёрт ли Варваре дом поручил (приказал).*

Обособленно в этом ряду стоит следующая пословица – *Сделали шутку: сняли с Варвары шубку*. Без предыдущих текстов, о *расправе* над *Варварой*, смысл ее был бы нам совершенно не понятен. Однако в контексте '*расправы*' с *Варвары спускают шкуру* – сдирают с нее кожу битьем и поркой. 'Ободрать мясо' (с мертвого, до костей) – знакомый мотив сказки про *бабу-ягу*, которая 'сдирает мясо и кожу' с пойманной жертвы либо своими *железными когтями*, либо *железным гребнем* (= *железная борона*), что одно и то же. Вспомним, что *железными* будут также *когти* и *клюв* у мифической 'птицы смерти', какой традиционно представляется старый *ворон*.

²⁹ В, казалось бы, аналогичной пословице, либо возможной загадке, *Через восемьдесят могил хватил один блин* (с отгадкой: *поп на поминках*) число *восемьдесят* так же должно иметь мифологическую семантику, но это и так, и не так. Для идеи 'мертвого родового', либо вообще 'мертвого' (человеческого), данное число неактуально. Тем самым паремия создает комический эффект ситуации: поп, от жадности, *хватил лишнего*, либо он себе *прихватил лишнего*. «Неправильность» традиционной числовой модели *поминок* (не 70, а 80) соответствует смеховой традиции моделирования мира «шиворот-навыворот» и поэтому дает проекцию ложного действия – неправильных *поминок*, оскорбления памяти *мертвых*, нарушение установленного в этом случае ритуального порядка. *Поп* в фольклоре традиционно исполняет роль трикстера, а его функционально-семантическими аналогами в текстах являются уже знакомые нам *волк, кот, черт, ворон*.

Традиционное семантическое поле личного имени-метаэтикета русской пословицы, *Варвара*, описано нами здесь далеко не полностью. Так же, как далеко не полностью проанализированы и объяснены валентностные связи его с другими метаэтикетами традиции. При анализе, в ряде случаев, может быть задействован и более широкий гипертекст мифо-фольклорной семантики – русская традиция могла бы нами рассматриваться и в контексте восточнославянском, и в контексте общеславянском, и в контексте общеевропейском, а также индоевропейском, либо в сопоставлении с иными культурами, в языковом отношении славянам не родственными.

SUMMARY

The article deals with the problem of Russian paremiology in hypertextual aspect. In the center of the study is the functioning name in the proverb.

Keywords: paremiology, hypertext, name, saying.